

Г. ЧУЛКОВ

Лицом к лицу

(По поводу заседания Петербургского религиозно-философского общества 30 декабря 1908 года)

Пророк Иеремия говорит о "чаше с вином ярости", которую Бог вручил ему, чтобы напоить из нее народ. "И они выпьют, -- говорит Господь, -- и будут шататься и станут безумными при виде меча, который Я пошлю на них". Александр Блок в своей новой песне, которую он назвал "докладом о стихии и культуре", пьян вином из чаши Иеремии. Воистину поэт видит меч, над ним занесенный, и, право, безумствует, как Израиль, потрясенный предсказаниями пророка.

Безумие заразительно. В безумии есть великая радость -- радость освобождения от логики, от "геометризма", как выражается один современный философ. От этого жестокого плена логики поэт освободился, но -- к сожалению -- освободился не до конца. Правда, в этом реферате логики меньше, чем в предыдущем, но все же она кое-где присутствует, и от этого лад и строй реферата нарушается. Ритм геометрии иной, чем ритм лирики. Может быть, найдется в иные века гений, который сумеет открыть гармонию для этих двух ритмических потоков, но пока эта гармония не найдена.

Итак, приходится рассматривать в докладе Блока два ряда идей. Первый ряд -- хочет или не хочет того докладчик -- подлежит логическому разбору и критике, второй ряд состоит из таких идей, возражать против которых невозможно: надо или принять их, или отвергнуть.

В пределах первого ряда мы видим такие идеи и понятия, как стихия, культура, интеллигенция, народ и т. д.; в пределах второго ряда -- такие образы-идеи, как "Церкви, воплощенные Богородицы, идущие по холмам", "реки, обращенные вспять", "любовь, политая кровью", и "Земля Божья", о которой напомнил поэту какой-то сектант.

И вот я слышу Блока, когда он говорит про "святую любовь" и "литые ножички". Я слышу его, когда он предсказывает, что революционеры и сектанты не предадут друг друга в роковой час, потому что они дети одной тишины и одной грозы. Но голос Блока становится для меня чужим и невнятным, когда он пытается *напугать* кого-то этим союзом.

Кого же он хочет напугать? Возражая Блоку, я утверждал, что интеллигенция *органически* связана с народом. Под интеллигенцией я разумел прежде всего тех, кто активно участвовали и участвуют в жизни народа, -- я разумел Рылеева и Герцена, Добролюбова и Глеба Успенского, я разумел тысячи учителей и земских врачей, о которых с таким барственным сожалением говорит Блок, я понимаю, наконец, всех тех казненных, тени которых бродят среди нас. Все они и живые и мертвые -- я говорю: *и живые, и мертвые* -- не боятся предсказаний Блока.

А тот, кто боится, тот не с народом и не с интеллигенцией. Блок называет это страшным оптимизмом. Не знаю, может быть, это и оптимизм; но дело тут не в словах, а в их сущности. Блок рисует странную картину: есть кучка культурных людей, слепых и трусливых, и есть стихия народа, готовая поглотить эту кучку. Я думаю, что дело обстоит не так просто, как представляется Блоку. Россия не так разделилась и не только на два стана. Есть огромная масса православных крестьян, требующих земли и воли, но еще инертных и косных, как все собственники, хотя бы и мелкие, хотя бы и полуголодные. Как оазисы в пустыне, рассеяны среди этой массы сектанты, почти все коммунисты по убеждениям, почти все революционеры по духу. В городах с нетерпением ждет революционной грозы пролетариат, всегда мятежный, которому нечего терять и который презирает деревню.

Наша интеллигенция -- глаза и уши народной массы. Она рассеяна и по деревням, и по городам, и всегда готова примкнуть к восстанию. Разве она не доказала этого?

Про какую же интеллигенцию говорит Блок? Не про ту ли, которая составляет большинство Третьей Думы? В таком случае я отказываюсь понимать язык Блока. На моем языке это называется буржуазией и привилегированным дворянством, а не интеллигенцией.

Все эти возражения обращены к тому ряду идей, которые -- на мой взгляд -- подлежат логическому разбору. Здесь Блок несостоятелен. Но если мы забудем притязания Блока на идейную определенность, а вслушаемся в ритм его переживаний, непосредственно раскрытых в его докладе, мы должны будем признать, что ритм этот, порывистый и торопливый, воистину предвещает великий бунт. Как чайка, предчувствуя бурю, носится низко над водой, ища в чуждой ей стихии защиты от вихрей, поэт, смущенный надвигающимися грозами, обращается к народу, народности, России...

Но я думаю, что великий бунт, о котором надо теперь говорить, есть тема не только национальная,